

5. Ключевский, В. О. Соч.: В 9 т. / В. О. Ключевский / под ред. В. Л. Янина. – М., 1988. – Т. 3. Ч. 3. Курс русской истории.

6. Фурман, Д. Е. Выбор князя Владимира / Д. Е. Фурман // Вопросы философии. – 1988. – № 6.

7. Василенко, И. А. Политическая глобалистика: учебное пособие для вузов / И. А. Василенко. – М.: Логос, 2000.

8. Иларион. Слово о законе и благодати / Иларион // Русская идея. – М.: – 1992.

Н. К. Эйнгорн

ДУХОВНАЯ СУЩНОСТЬ И ДУХОВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ РОДИНЫ

С чего начинается Родина? С малого – «с картинки в твоём букваре... А может она начинается с той песни, что пела нам мать? С того, что в любых испытаниях у нас никому не отнять?» Или с березки, с рябины, с куста ракиты над рекой – «Край родной, навек любимый! Где найдешь еще такой?» Милые, всегда памятные песни нашего детства, юности, зрелости. Они – тоже частица нашей Родины. Почему размышление о Родине всегда вызывают душевный трепет, будь то радость или боль за нее? Может быть потому, что: «Родина есть священная тайна каждого человека, также, как и его рождение... Человек существует в человечестве и природе. И образ его существования дается в его рождении и родине...И теперь, когда я пишу эти строки и собираю свои чувства и свою любовь к ней, в душе моей звенит этот голос вечности. И поистине родину можно и должно любить вечною любовью» (1,с.308-309). «Родина – святыня для всякого, и, как таковая, она всегда дорога и прекрасна»(1, с.318).

В этом духовное оправдание привязанности и любви к Родине перед лицом «сомневающихся отрицателей родины» (И. Ильин). А таких, к сожалению немало, особенно среди молодежи. Это опасно, прежде всего, для самих молодых отрицателей родины, хотя и объяснимо: «Исключительно трагический характер современной эпохи, неслыханное обилие в ней зла и слепоты, расшатанности всех обычных норм и жизненных устоев предъявляют к человеческой душе также непомерно тяжкие требования, с которыми она часто не в силах справиться. Душа подвергается сильнейшему соблазну либо отречься от всякой святыни и предаться пустоте и призрачной свободе цинического неверия, либо с угрюмым упорством вцепиться в обломки гибнущего старого здания жизни и с холодной ненавистью отвернуться от всего мира и замкнуться в себе. Все старые – или, вернее, недавние прежние – устои и формы бытия гибнут, жизнь беспощадно отменяет их, избочивает если не их ложность, то относительность;... Время таково, что умные и живые люди склонны подлечь и отречься от всякого духовного содержания, а честные и

духовно богатые натуры склонны глупеть и терять живое отношение к действительности... И в циническом неверии, и в иступленном сознательном идолопоклонстве... проявляется утрата прежнего душевного спокойствия, невозможность прежней, благодушно-наивной, ничем не искушенной веры и потребность в истинной вере, неосознанная устремленность воли к чему-то, что не было бы призрачно, а было бы подлинной прочной основой бытия» (7, с.114).

Образ Родины привлекает человека прежде всего как опора, как надежда на спасение, на самосохранение. Ведь жизнь людей на земле подчинена прежде всего пространственно-территориальной необходимости. Человек должен жить и трудиться оседло. Эта оседлость прикрепляет людей к близживущим и отделяет от далеко живущих. Мир разделяется на пространственно разбединенные общности, государства. Потребность жить с себе подобными, общий образ жизни и труда, общие обычаи и уклад жизни порождает единение, а долгое единение усиливает подобие – родство, если не кровное, то пространственно-временное, жизненно-бытовое. Единение, солидарность являются неизбежными, целесообразными, жизненно необходимыми, оправданными.

Чувство Родины, родства помогают человеку преодолеть кратковременность личной жизни, ограниченность и конечность трудовых и творческих сил.

В отношении к Родине одновременно присутствуют и жизненно-бытовая польза, и территориальная (вспомним, у Л.Н.Гумилева: родина – это жесткая связь человека с «кормящим ландшафтом»), и духовная связь, способствующая не просто поддержанию и продлению жизни человека, но и его духовному самоопределению. Страшно быть человеком «без роду и племени», не знать родителей, не знать родной земли (места рождения). Человек психологически тяжело переживает это состояние неукорененности, состояние отсутствия своего начала, истоков. Это угнетающее ощущение случайного появления на свет, заброшенности в мир неизвестно кем и неизвестно для чего. Это неизбывное чувство обделенности и даже неполноценности своей жизни, это постоянно напоминающее о себе состояние несчастья, несчастливой судьбы.

Аналогичные чувства переживает и человек, потерявший Родину, тем более потерявший безвозвратно. Ностальгия – тоска по Родине – это тоже неизбывная грусть и печаль очень похожая на чувства, испытываемые человеком, потерявшим своих родителей, родственников в силу стечения жизненных обстоятельств или по причине их смерти.

Чувство родства, Родины дает нам необходимое душевное тепло и духовную опору, без которых каждому нормальному человеку холодно и зыбко, одиноко и страшно и жизнь нередко воспринимается как безрадостная бессмыслица:

«Жизнь моя, ты откуда идешь и куда? Отчего мне мой путь столь неясен и таен? Для чего я не ведаю цели труда? Почему я влеченьям своим не хозяин? Кто же есть я, о Господи, в этакой мгле? Что постигну мечась в

утомительной смуте? Для чего я куда-то иду по земле, Оставляясь недвижимым в собственной сути? Путь мой пуст и бесплоден, – так нужен ли он, Если смысл от деяний моих отодвинут? Для чего мне сознание, которое – сон? Для чего я в реальность жестокую кинут?» (5, с.53).

Отсутствие непосредственных родственных связей с близкими людьми может спровоцировать и более общее, более масштабное чувство безродности. Точно также отсутствие у человека привязанности и любви к Малой родине – месту, где родился, где рос, где жил и продолжаешь жить, вызывает безразличие, нелюбовь и к Большой Родине – к стране, государству, где живет человек. И наоборот, любовь и способность любить близкое (родственников, Малую родину) есть залог любви к дальнему (не родственникам, а соотечественникам, к Большой родине).

Употребление понятий «Малая родина» и «Большая родина» в определенном смысле правомерно и оправдано. Но они могут быть заменены другой взаимосвязанной парой понятий: «Родина» и «Отечество». Л. Н. Гумилев считает, что Родина, как жесткая связь человеческих коллективов с кормящим ландшафтом, превращается в Отечество по мере того, как происходит адаптация, успешное приспособление этих коллективов к природным условиям, когда выработаны традиции, необходимые для благополучного существования общности (2, с.18).

Но наиболее общепринятым в настоящее время является другое толкование этих понятий. Родина – географическое место, где родился человек – страна, город, деревня, село и т. д.

Иными словами, – это место рождения, местность. Отечество – страна, государство, где человек живет, имеет родственников дальних (прошлые) и близких (настоящее). Это жизненный приют человека, человеческих общностей. Родина у каждого одна, а отечеств может быть два и больше, по числу разнорациональных предков в прошлом и настоящем. Поэтому имеет смысл и утверждение: «Весь мир – мое Отечество», т. к. все люди составляют человеческий род, они сородичи (6) Но родство это чрезвычайно опосредованное. Здесь речь идет о разных проявлениях нравственного чувства – абстрактном и конкретном.

Отношение к Родине и Отечеству зависит от ценностного восприятия жизненного пространства, живущих на этом пространстве людей. А материально-экономические, политико-правовые, идеологические трудности нашей жизни убеждают в правомерности и другой мудрости: «Все труднее быть истинным патриотом. Все труднее любить Родину, не покидая ее».

Так что же такое – любовь к Родине? Отечеству? Почему она так неоднозначна? противоречива, сложна?

Патриотизм (греч. *patris* - родина, отечество) – любовь к родине, преданность своему народу, своему отечеству: «Нельзя не любить отечества, какое бы оно ни было: только надобно, чтобы эта любовь была к мертвым довольством тем, что есть, но живым желанием

усовершенствования» (В.Г.Белинский). Но для этого патриотизм не должен быть стихийным, случайным, неосознанным. Некоторые полагают, что достаточно быть добрым, трудолюбивым, ответственным и этим уже и будешь полезен, ценен Родине и Отечеству, специально не стремясь к этому как к особой, более общей и высокой цели. И действительно, изначально процесс становления патриотического сознания стихийен: "Беда, опасность и страх научают человека солидаризоваться со своими близкими; из этой солидарности возникают первые проблески правосознания, «верности» и «патриотического настроения». И, таким образом, «патриотизм» оказывается, по-видимому, неизбежным, целесообразным и жизненно полезным... Люди приобретают этот патриотический опыт без всяких поисков и исследований: он приходит как бы сам собою. Люди инстинктивно, естественно и незаметно привыкают к окружающей их среде, к природе, к соседям и культуре своей страны, к быту своего народа. Но именно поэтому духовная сущность патриотизма остается почти всегда за порогом их сознания»(4; с.217-218).

Стихийный патриотизм характеризуется поверхностностью, неустойчивостью, прагматичностью. Он изменчив и опасен, т. к. оказывается, что в сердце человека живет не любовь к родине, а «странная и опасная смесь из слепого пристрастия к бытовым пустякам и лицемерного «велико-державного пафоса», за которым нередко скрывается личная и классовая корысть» (4; с.218).

Иван Ильин, русский философ, называл стихийный патриотизм «слепо-инстинктивным», духовно не освященным, противодуховным инстинктом. А инстинкт и дух патриотизма должны быть взаимодополняющими: инстинкт должен получить правоту и форму духовности, а дух - творческую силу инстинктивности. Патриотизм есть любовь, а не просто «предпочтение», «склонность» или «привычка». И если эта любовь не «пустое слово» и не «поза», то он есть инстинктивная прилепленность к родному: «Поэтому патриотизм всегда инстинктивен. Но он не всегда духовен. И то, что должно быть достигнуто, – есть взаимное проникновение инстинкта и духа в обращении к родине... Это будет любовь зрячая и оформляющая; это будет духовность таинственно-целесообразная и страстно-мудрая; это будет истинный патриотизм» (4; с.219).

Подлинная любовь к родине есть творческий акт духовного самоопределения. Идея родины предполагает в человеке живое начало духовности: «Родина есть нечто от духа и для духа» (3; с.220). Ни территория, ни климат, ни географические условия, ни совместное пространственное жительство людей, ни национальное происхождение, ни формальное гражданское подданство не составляют Родину, не заменяют ее и не любятся патриотической любовью. Родина нуждается в территории, но сама по себе территория не является Родиной. Есть люди, никогда не бывавшие в России и плохо говорящие по-русски, но сердцем живущие и трепещущие вместе с Россией. И наоборот, есть люди, русские по крови,

происхождению, местопребыванию, быту, языку, государственной принадлежности – и предающие Россию, ее судьбу, ее землю, ее народ, ее прошлое, настоящее и будущее.

Сложно постигнуть сущность Родины. Долгая жизнь на чужбине не делает ее родной землей, пока не произойдет духовного слияния с народом. Признак расы и крови (национальности) также не решает вопроса о родине: например, армянин может быть русским патриотом, но может быть и армянским сепаратистом. А во время отечественных войн за Россию патриотически сражались представители десятков российских национальностей. У людей смешанной национальности происхождение бессильно решить вопрос о родине. Формальная, принудительная принадлежность к какому-либо государству не только не гарантирует патриотических чувств его граждан, но, наоборот, способно вызвать в душах людей устойчивое антипатриотическое отношение.

Так чем же определяется родина и как происходит ее обретение и пробуждение любви к ней? Можно формально, принудительно причислить людей к какому-либо государству. Можно преследовать, наказывать, казнить людей за формально совершенную измену. Но заставить человека любить страну проживания как свою родину, заставить быть националистом чужой ему нации – невозможно. Любовь к родине основывается на внутренней свободе человеческого самоопределения, на добровольном духовном самоопределении, на любви к национальному духу: «Человек не может не любить свою родину, если он не любит ее, то это значит, что он ее не нашел и не имеет. Ибо родина обретается именно духом... Родина есть **духовная реальность**. Чтобы найти ее и узнать, человеку нужна личная **духовность**. Это просто и ясно: родина воспринимается именно живым и непосредственным **духовным опытом**; человек совсем лишенный его, будет лишен и патриотизма» (4; с.222-223).

Духовный опыт сложен, многогранен, противоречив. Поэтому сложна, многогранна и противоречива любовь к Родине.

Есть патриотизм, исходящий из семейного и родового чувства; из энергии национального бытия и национального духа; патриотизм, исходящий от религиозного и нравственного облика родного народа, от его духовной красоты и гармонии; патриотизм всенародного размаха и глубины:

«Люблю Отчизну я, но странною любовью,

Не победит ее рассудок мой!...

Но я люблю – за что, не знаю сам -

Ее полей холодное молчанье,

Ее лесов дремучих колыханье,

Разливы рек ее подобные морям...»

(М. Ю. Лермонтов. "Отчизна")

Каждый человек по-своему обретает любовь к Родине: рассудком, сердцем, высокой духовностью. Один спокоен и умиротворен в этой любви, другой страдает страданием родины и совершает ради нее подвиги, третий через религиозную веру постигает духовный трепет и благоговение

чувства любви к родине. Причем, патриотизм человека науки будет иной, чем у крестьянина, у священника, у художника. Каждый по-своему любит единую для них Родину. Но человек «духовно мертвый» не имеет родины. Душа такого человека, "религиозно-пустынная и государственно-безразличная, бесплодная в познании, мертвая в творчестве добра, бессильная в созерцании красоты... – не имеет духовного опыта... Такая душа не найдет и родины, но, в лучшем случае, будет пожизненно довольствоваться ее суррогатами, а патриотизм ее останется личным пристрастием, от которого, при первой же опасности, легко отречется» (4; с.225)

Патриотизм может быть присущ только тем людям, для которых существует на земле нечто священное. И обрести в душе родину – это и значит испытать это высокое чувство святости, безусловного достоинства родины, святынь своего народа. Чувство святости по отношению к Родине, Отечеству, позволяет человеку открыть в себе самом безаветную преданность, способность бескорыстно, радоваться успехам Родины, потребность служения, желание соединить свою жизнь и судьбу с судьбою Родины, быть самоотверженным (патриотическая пассионарность – Н. Э.), а это значит – любить Родину больше себя.

Иван Ильин называет родину духовным священным сокровищем, которое живет в душах людей и там и должно быть найдено. В акте патриотического самопознания человек и оказывается способным услышать свою родину: «он услышит, как она в его собственной душе вздыхает и стонет, поет, плачет и ликует... Он вдруг постигнет, что его личная жизнь и жизнь его родины – суть в последней глубине нечто единое и что он не может не принять судьбу своей родины, ибо она также неотрывна от него, как он от нее: в инстинкте, и в духе» (4; с.226).

Но истинному патриоту дорога не любая жизнь его родного народа, не просто жизнь в довольстве, но жизнь подлинно духовная, духовно-творческая. И поэтому, «если он когда-нибудь увидит, что народ его утоп в сытости, погряз в служении маммону (маммон - (от греч. богатство) злой дух сребролюбия, стяжательства, алчности) и от земного обилия утратил вкус к духу, волю и способность к нему, – то он со скорбью и негодованием будет помышлять о том, как вызвать духовный голод в этих сытых толпах павших людей. Вот почему и все условия национальной жизни важны и драгоценны истинному патриоту не сами по себе: и земля, и природа, и хозяйство, и организация, и власть, – но как данные для духа, созданные духом, и существующие ради духа» (3; с.226-227).

Именно духовная жизнь родного народа и есть то, за что и ради чего можно и должно любить свой народ, бороться за него и погибнуть, если этого потребует жизнь. Именно духовную сущность родины следует любить больше себя. И жить каждому человеку этой духовной сущностью родины следует уже потому, что за нее стоит и умереть. Духовная жизнь народов чтится всеми людьми через века: это и римское право, это и

итальянская живопись эпохи Возрождения, и русская изящная литература XIX века...

Соединяя свою судьбу с судьбою своего народа «в его достижениях и в его падении, в часы опасности и в эпоху благоденствия **истинный патриот** отождествляет себя инстинктом и духом не со множеством различных и неизвестных ему «человеков», среди которых наверное, есть и злые, и жадные, и ничтожные, и предатели; он не сливается и с жизнью темной массы, которая в дни бунта бывает, по бессмертному слову Пушкина, «бессмысленна и беспощадна». Он не приносит себя в жертву корыстным интересам бедной и роскошествующей черни (ибо чернью называется вообще жадная, бездуховная, противогосударственная масса, не знающая родины или забывающая ее); он отнюдь не преклоняется перед «множеством» только потому, что на его стороне количество, и не считает, что большинство всегда одарено мудрою и безошибочною волею. Нет, он сливает свой инстинкт и свой дух с инстинктом и с духом своего народа; и духовности своего народа он служит жизнью и смертью» (4; с.227).

Это возвышенный, идеальный образ патриотизма. Но и в реальной жизни люди объединяются в единую нацию, создают единую родину именно в силу подобия их духовного склада. Этот духовный склад вырабатывается постепенно, исторически из повседневной жизни людей благодаря творчеству, прорыву к духу.

Душевное и духовное подобие возникает в реальной жизни потому, что «каждый народ **по-своему** вступает в брак, рождает, болеет и умирает; по-своему ленится, трудится, хозяйствует и отдыхает; по-своему улыбается, смеется и радуется; по-своему ходит и пишет; по-своему поет и творит музыку; по-своему говорит, декламирует, острит и ораторствует; по-своему наблюдает, созерцает и создает живопись; по-своему исследует, познает, рассуждает и доказывает; по-своему нищенствует, благотворит и гостеприимствует; по-своему строит дома и храмы; по-своему молится и геройствует... Он по-своему возносится и падает духом; по-своему организуется. У каждого (народа – Н.Э) иное чувство права и справедливости; иной характер, иная дисциплина; иное представление с нравственным идеалом; иная политическая мечта; иной государственный инстинкт. Словом, у каждого народа **иной и особый национальный духовный акт**. (4; с.229-230).

Все перечисленное скрепляет души единого народа подобием и близостью. Духовное подобие рождает духовное единение и наоборот. Люди связываются взаимным тяготением друг к другу, заставляющим их дорожить совместной жизнью. Патриотическое единение есть разновидность духовного движения. В патриотическом единении люди любят свой народ в его духовном своеобразии и верят в духовную силу и духовное творчество своего народа.

Патриотизм не должен быть ни стихийным, ни «казенным», ни внешнепринудительным, ни официальным; ни корыстным, ни высокомерным и чванливым, ни воинствующим. Обосновать идею родины

и чувство патриотизма – значит показать не только их неизбежность и естественность в историческом развитии народов, их культурную продуктивность, но и их государственное значение. А это значит, обосновать гражданственный патриотизм. Ведь любить свою родину, отечество – это значит, быть достойным гражданином.

Литература

1. Булгаков, С. Н. Моя Родина // Булгаков, С. Н. Тихие Думы / С. Н. Булгаков.. – М., Республика, 1996.
2. Гумилев, Л. Н. Этносфера. История людей и история природы / Л. Н. Гумилев. – М.: 1993.
3. Иванов, И. Родное и Вселенское / И. Иванов. – М.: Изд-во «Республика», 1994.
4. Ильин, И. А. Путь духовного обновления // Ильин, И. А. Путь к очевидности. – М., 1993.
5. Пессоа, Ф. Лирика / Ф. Пессоа. – М., 1978.
6. Сплетались времена, сплетались страны... Выпуск 11. Екатеринбург, Уральское генеалогическое общество, 1997.
7. Франк, С. Л. Крушение кумиров / С. Л. Франк. Соч. – М.: Изд-во «Правда», 1990.

Иерей Алексей Егоров

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТОМ, ЧТО ТАКОЕ СОВЕСТЬ

Ни для кого уже не секрет, что в последние десятилетия всему мировому сообществу, включая Россию, в качестве универсального образца устройства государства и человека предлагается деидеологизированный либеральный стандарт, сущность которого заключается в приоритете земных интересов над нравственными и религиозными ценностями, а также над суверенитетом государств и патриотическими чувствами. Этот стандарт уже оказал свое пагубное влияние на сегодняшнюю российскую образовательную политику. Так, мы становимся свидетелями того, как постепенно традиционные, привычные основы воспитания и образования подменяются "более современными", западными:

- христианские добродетели – общечеловеческими ценностями гуманизма;
- педагогика уважения старших и совместного труда - развитием творческой эгоистической личности;
- целомудрие, воздержание, самоограничение - вседозволенностью и удовлетворением своих потребностей;
- любовь и самопожертвование – самоутверждением;
- интерес к отечественной культуре – необоснованно повышенным интересом к иностранным языкам и иностранным традициям.